Н. Д. ГУСАРОВА, М. А. КОРОБЕЙНИКОВА

ПРИГЛАГОЛЬНЫЙ «ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ТАВТОЛОГИЧЕСКИЙ» В ЯЗЫКЕ БЫЛИН

Из конструкций с «творительным тавтологическим», изобилующих в фольклорном языке, наибольшим вниманием исследователей пользуются те, в которых имя потеряло свой субстантивный характер и вне данной формы не употребляется: *ходуном ходить, водком водить, лежмя лежать* и т. д. Как считает Н. И. Толстой, «часть таких конструкций может встречаться в диалектной речи, но большинство из них присуще только языку народной поэзии»[1]. Как экспрессивно окрашенные элементы расцениваются и тавтологические сочетания с творительным образа действия (*причетью причитала*), не менее характерные для жанров устного народного творчества, чем группы с адвербиализованным именем. Относительно же трехчленных плеонастических синтагм, где имя содержит при себе определение (*ударяли больными ударами*), исследователь фольклорной поэтики замечает, что таковые в фольклоре «принципиально ничем не отличаются от подобных в литературном языке»[2].

Как известно, нормы современного кодифицированного литературного языка (КЛЯ) допускают оборот с тавтологическим творительным имени, «функция которого заключается в ограничении, сужении и конкретизации глагольного признака путем сочетания глагола с однокоренным существительным, имеющим определение (*смеяться громким смехом, улыбнуться веселой улыбкой, болеть тяжелой болезнью* и т. п.)»[3]. Еще более распространена эта конструкция в спонтанной разговорной речи (РР). Как пишет Т. С. Тихомирова, «все значение дан-

---

[1] Толстой Н. И. Из поэтики русских и сербохорватских народных песен (Приглагольный творительный тавтологический).— В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Л.: Наука, 1971, с. 350. О конструкциях с творительным тавтологическим см. также: Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.— М.— Л., 1963, с. 176—205; Творительный падеж в славянских языках. Под ред. С. Б. Бернштейна.— М., 1958; Тихомирова Т. С. О творительном тавтологическом в русском языке.— Славянская филология, вып. 5, М., 1963, с. 242—266.

[2] Евгеньева А. П. Указ. соч., с. 184.

[3] Там же, с. 177.

ного оборота, вся семантическая нагрузка в характеристике глагола заключена не в имени, а в прилагательном-определении»[4].

Обычно семантический вес определения настолько значителен, что атрибут к тавтологическому имени является одним из средств смысловой связи целого повествовательного фрагмента — сверхфразового единства (СФЕ), включающего в себя предложение с указанной плеонастической моделью: определение становится как бы тематическим словом СФЕ или большого отрезка текста.

Тексты произведений русской художественной и публицистической литературы XIX—XX веков дают немало примеров использования такого «творительного тавтологического». Остановимся на двух из них.

«*Скучною жизнью жилось* Катерине Львовне в богатом свекровом доме в течение целых пяти лет ее жизни за неласковым мужем; но никто, как водится, не обращал на эту *скуку* ее ни малейшего внимания»[5].

Этой фразой заканчивается первая глава очерка Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Семантика определения к тавтологическому имени *(скучною жизнью жилось)* является смысловой доминантой как данного сложного предложения, где имя — дериват того же корня — появляется и во второй части его, так и нескольких предыдущих синтаксических единств. На протяжении 3 абзацев через тематические «индексы» — слова одного семантического поля (*скука, тоска, одурь, печалило, не на радость, зевать* и т. д.) идет развитие темы, чрезвычайно важной для понимания сюжета произведения в целом.

Сходный тип связи семантики определения к плеонастическому имени с тематической доминантой текста можно увидеть и в современном публицистическом произведении — переводе В. Рубер на русский язык «Книги путешествий» В. Пансо.

«Мы создаем ребенка по своему образу и подобию. Они *думают нашими мыслями* и *смеются нашим смехом*. Они *видят нашими глазами и слышат нашими ушами*»[6].

Акцент на семантике определения — притяжательного местоимения — со всей очевидностью вытекает из смысла предложения, начинающего данный фрагмент (ср. лексические соответствия: *мы — свой — наши*).

Итак, можно вполне согласиться с мнением А. П. Евгеньевой, Т. С. Тихомировой, других исследователей, что для современной литературной и разговорной речи «творительный

---

[4] Тихомирова Т. С. Указ. соч., с. 261—262.

[5] Лесков Н. С. Собрание сочинений в одиннадцати томах, т. 1, 1956, с. 98.

[6] Удивительный человек. Книга путешествий. Вольдемар Пансо и Ленарт Мери в переводах Веры Рубер.— Таллин, 1983.

тавтологический» с определением — категория живая, один из способов коммуникативной актуализации высказывания.

Еще более употребительна эта конструкция в языке народных поэтических жанров. Отличие фольклорных речений по данной модели А. П. Евгеньева видит в частоте употребления, а также в архаичности лексики (*проязычился языком человеческим*), заполняющей конструкцию. Как нам кажется, существуют и другие принципиальные расхождения, обусловленные специфической природой фольклорного слова.

Наблюдая за фразеологическим составом разных записей одних и тех же фольклорных сюжетов, невозможно не заметить следующее обстоятельство: достаточно часто описываемый трехчленный оборот заменяется в ином варианте былины двучленной «этимологической фигурой», где определение отсутствует:

На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися,
Всякима да *похвалами похвалялися*
(Был., с. 127)

На пиру-то все наедалися,
На честном-то все да напивалисе,
Разными-то похвалами похвалялися
(Эпич. песни, с. 167)

Ай как будут все на пиру да напиватисе,
Будут все на пиру да наедатисе,
А й как будут все *пофальбами* теперь да *пофалятисе*
(Гильф. № 70)

Златыми венцами повенчалися,
Златыми перстнями обручалися
(Гильф. № 65)

Мы златыма венцами повенчаемся,
А именными кольцами обручаемся
(Был., с. 126)

Тут *венцами* они да *повенчалися,*
Золотыми перстнями обручалися
(Был., с. 136)

Сажали его в яму во глубокую,
Заклинивали клиньями дубовыма
(Был., с. 320)

Да на столбики было-то ка писано,
А глубокима-ти *подреземи подрезано*
(Марков, № 97)

Есть тут на камешки подписано,
Подрезами в камешек *зарезано*
(Астах., с. 404)

И *уснул* он крепким богатырским *сном*
(Эпич. песни, с. 166)

Гди выпил, тут и *в сон заснул*[7]
(Гильф. № 6)

Повел Егория света *мучити*
Он и *муками разноличными*
(Бессонов, с. 102)

Повеле сята Ягорья
В *муки мучити*
(Бессонов, с. 495)

Если с точки зрения истории языка такие двучленные синтагмы являются, как это показала А. П. Евгеньева, следами определенного этапа развития «сказуемо-объектных (или обстоятельственных) отношений»[8], то в плане фольклорной фразеологии двучленные «этимологические фигуры» нас интересуют как формулы-эквиваленты трехчленных. Семантика определения в них настолько сюжетно нейтральна, что атрибут без ущерба для логики повествования может быть опущен. Действительно, что представляет собой определение в приведенных сочетаниях? Это или так называемый постоянный эпитет — элемент украшающий, выполняющий не столько коммуникативную, сколько чисто эстетическую функцию, или десемантизированное местоимение *(всякий разный)*, часто — ритмический заполнитель[9].

На месте тавтологического оборота может оказаться и одно слово:

Вси ли на пиру напивалися,
Вси ли на пиру *похвалялися*
(Гильф. № 209)

---

[7] О синонимии форм с винительным и творительным см. в указ. соч. А. П. Евгеньевой (с. 195—196), а также: Иванов Вяч. Вс. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках.— В кн.: Этимология, 1967. М.: Наука, 1969.

[8] Евгеньева А. П. Указ. соч., с. 178; см. также: Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в.— Воронеж, 1969; Судаков Г. В. Творительный образа (способа) действия в языке вологодских актов XVII в.— Вопросы теории английского и русского языков. Вологда, 1973; Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения.— М.: Наука, 1968, с. 245—246.

[9] О семантике определений *всякий, разный* в фольклорном языке см. в кн.: Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни.— Воронеж, 1981, с. 49.

А все ли на пиру *порасфастались*
(Гильф. № 206)

Да шли во божью церковь, *обвенчалися*
Со той ли Чадиночкой Часовенныя
(Гильф. № 308)

Специфика описываемых былинных трехчленных тавтологизмов хорошо ощущается при сравнении их с фольклорными же плеонастическими речениями, семантическая структура которых сходна со структурой аналогичных общеязыковых конструкций.

Так, в записях былины о Василии Буслаеве встречаются следующие строки:

Тут Василья родна матушка
Поила питием да *забудущим*
(Гильф. № 103)

Его матушка родная
Напоила напитком пьяным
(Гильф. № 321)

В данных примерах атрибут — это не эпитет, не украшающий элемент, а определение, семантика которого важна сюжетно: качество питья *(забудущее, пьяное, сонное)* послужило причиной того, что герой едва не пропускает битву. Пропуск определения, семантика которого впрямую связана с конкретным сюжетным поворотом, здесь невозможен, и естественно, что двучленный вариант нам не встретился — в данном контексте он был бы ущербным в смысловом отношении[10].

Различные варианты эпического текста «О сорока каликах» содержат следующие строки: калики договариваются о том, что «кто пойдет за бабьей прелестью, а того мы *судити своим судом*» (Астах., с. 380) и «того *казнить* ведь *казнию калицкою*» (Гильф. № 173). Здесь оба определения также необходимы: речь идет именно о *своем, калицком,* а не общепринятом суде, а картина *калицкой казни* — один из существенных, наиболее устойчивых мотивов данной песни. Двучленный вариант этой формулы в какой-либо записи данного сюжета нами не найден, хотя в общежанровом фонде он существует (ср. в былине «О молодце»):

---

[10] Некоторые варианты былины о Василии Буслаеве вообще не используют мотива «сонного напитка»— героя задерживают каким-то иным способом.

Тут король поразгневался,
Приказал молодца *судом судить*
да казнью казнить
(Был., с. 178)

В вариантах былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике неизменно повторяется следующий фрагмент: не вняв приказу Ильи свистеть не в полную силу, Соловей «*засвистал* своим *свистом разбойничьим* крепко» (Кир. Прилож. с. 19). Безусловно, здесь семантика определения (свист может быть *разбойничий, полный, соловьиный* и т. д.) также сюжетно значима[11].

Иногда определение не распространяет свои семантические связи на весь сюжет, а служит средством когезии (сцепления) сравнительно небольшого отрезка эпического текста. Так, из сюжета в сюжет мигрирует «общее место»— описание орла, перья которого украшают какую-либо деталь снаряжения богатыря:

Перена она *перьем орлиным.*
Не того орла, кой летал по синим морям,
А того орла, кой летал по крутым горам
(Гильф. № 291)

В данной записи (вариант текста «Три поездки Ильи Муромца») «перена» шапка богатыря. Чаще подобное описание относится к стреле, например, в варианте былины о Дюке:

Да тем-де были стрелы дороги,
Перены-де пером были *сиза орла,*
Не того орла сиза орловича,
Да который летал по святой Руси
(Гильф. № 225)

Следует заметить, что удельный вес таких сочетаний, сходных с общеязыковыми не только внешне, но и по сути, в эпических текстах гораздо меньше. Тавтологизмы типа *венчались золотыми венцами*, где роль определения сводится лишь к организации эпической фразы-строки, численно значительно превосходят их, и это естественно: такие сочетания с факультативным определением являются ярким примером воплощения принципа избыточности — сущностного конструктивного принципа фольклорного текста[12]. Определение здесь избыточно по отношению к имени в силу своего постоянства, имя тавтологично

---

[11] Чаще здесь используется более экспрессивная конструкция с винительным тавтологическим *«свистеть в полный свист»*.

[12] Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 110—111.

по отношению к глаголу, так как повторяет его и по смыслу, и по форме[13].

Если под фольклорным текстом понимать нечто единое, «совокупность вариантов словесного воплощения того или иного фольклорного произведения»[14], то формулы типа *похвалялись — похвалами похвалялись — похвалами разными похвалялись* можно представить в виде стадий процесса амплификации — развертывания текста на лексико-синтаксическом уровне. Для различных же записей одной былины (от разных сказителей, от одного певца в разное время) лексически коррелирующие трех-, двух- и одночленные формулы выступают как единицы варьирования текста. Появление той или иной формулы зависит от разных причин: от склонности сказителя к многословию или лаконичности, от степени приверженности его традиции, от ритмических, эвфонических условий и т. д.

Амплификацию — один из видов варьирования фольклорного текста — или же противоположный процесс — редукцию — можно проследить на разных уровнях текста. Сюжетное развертывание происходит за счет введения добавочных эпизодов в канонический сюжет (они могут заимствоваться из другой былины или даже другого жанра). «Общее место» расширяется с помощью факультативных деталей. Процесс амплификации// редукции в синтаксисе былины убедительно показал А. К. Байбурин[15]. «Вибрация» (термин К. В. Чистова) в синтаксическом строе зависит от напева, а механизм ее базируется на факультативности сегментов как былинной фразы, так и былинного сверхфразового единства, в строении которых наблюдается известный изоморфизм. В качестве примеров развертывания эпического текста на лексико-синтаксическом уровне, на наш взгляд, можно привести аналитические глагольные формы, излюбленные былиной (*в полон взять, опочив держать, поклон вести*), синонимические пары (*путь-дорога, бой-драка*), все виды сочетаний однокорневых слов[16] независимо от того, что

[13] Достаточно часто былинный тавтологизм конструируется из этимологически неродственной лексики: «И хочет добра коня *огнем пожечь*» (Гильф. № 225), «Да как тебя *именем зовут*» (Гильф № 223), «И *кричит* старой громким *голосом*» (Гильф. № 239).

[14] Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983, с. 144.

[15] Байбурин А. К. Русская былина. Заметки о синтаксисе.— В сб.: Русская филология. 3 сборник научных студенческих работ. Тарту, 1971, с. 5—13.

[16] Естественно, что среди сочетаний «глагол+однокорневое имя в винительном падеже+определение» также можно выделить 2 группы: 1) с факультативным определением-эпитетом (*думу думать крепкую=думу думать*); 2) с сюжетно необходимым определением: «Ах ты гой еси, калека перехожая, Скидавай-ко ты платье скоморошное, Разувай-ко ты лапотцы семи шелков, *Одевай одежу богатырскую*» (Был., с. 111).

в нефольклорной речи — РР или КЛЯ — могут находиться соответствия данной конструкции[17]. Как справедливо считает исследователь синтаксиса русской лирической песни Е. Б. Артеменко, между конструкциями референтивной и фольклорной речи могут сохраняться внешние структурные признаки, но знак равенства между ними ставить нельзя в силу разницы доминантной функции их — коммуникативной в одном случае, эстетической — в другом[18].

Качественные различия между формально совпадающими конструкциями в фольклорной и нефольклорной речи мы попытались показать на примере модели «глагол+творительный однокорневого имени с определением».

Список сокращений

Астах.— Былины Севера, т. I. Мезень и Печора/Записи, вступит. статья и комментарии А. М. Астаховой.— М.— Л., 1938.

Бессонов — Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова.— М., 1861.

Был.— Былины Пудожского края/Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова.— Петрозаводск, 1941.

Гильф.— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I—III.— М.— Л., 1949—1951.

Кир.— Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—VIII.— М., 1863—1879.

Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым.— М., 1901.

Эпич. песни.— Русские эпические песни Карелии/Издание подготовила Н. Г. Черняева.— Петрозаводск: Карелия, 1981.

---

[17] О функциях сочетаний однокорневых слов в другой разновидности «симметричного стиля»— литературе «плетения словес» см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— М.: Наука, 1979; Лекомцева М. И. Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале «Похвального слова Кириллу-философу» Климента Охридского).— В кн.: Структура текста. М.: Наука, 1980.

[18] Артеменко Е. Б. Вопросы синтаксического строя русской народной лирической песни.— Воронеж, 1976, с. 24.